

УДК: 008.340.128

А. С. Армен

(кандидат философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

г. Донецк, Донецкая Народная Республика - РФ

ПРАВОВАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье автор обращается к проблеме абсолютизации юридической нормы как единственного регулятора общественных отношений в пространстве современной западной капиталистической цивилизации. Акцентируется внимание на том, что попытки правового регулирования приватной сферы жизни человека не только малоэффективны, но и представляет угрозу общественной стабильности.*

***Ключевые слова:** капитализм, правовая экспансия, правовой идеализм, фетишизация права, ювенальная юстиция, правовое государство.*

A. S. Armen

(Candidate of Philosophical Science, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

Donetsk, Donetsk People's Republic – Russian Federation

LEGAL EXPANSION AS A CHARACTERISTIC OF MODERN WESTERN CIVILIZATION

***Annotation.** In the article, the author addresses the problem of the absolutization of the legal norm as the only regulator of public relations in the space of modern Western capitalist civilization. Attention is focused on the fact that attempts to legally regulate the private sphere of human life are not only ineffective, but also pose a threat to social stability*

***Keywords:** capitalism, legal worldview, legal idealism, juvenile justice, Fetishization of law, law-based state.*

Нравственный релятивизм, идеологический и культурный вакуум, характерный для современной позднекапиталистической цивилизации, обусловил тенденцию абсолютизации и идеализации права как универсального регулятора общественных отношений. Категория права становится ключевой в пространстве западной цивилизации, стремясь подменить собой иные регуляторы: мораль, религию, несмотря на очевидность того факта, что правовые механизмы не могут обеспечить должного регулирования в сфере частной жизни человека и поддержании его нравственных ориентиров.

Современная западная правовая культура, корнями уходящая в римское право, сформировалась в Новое время, когда были заложены основы новой философии

права, базирующейся на реалиях поднимающегося буржуазного общества и десакрализованной картины мира.

На этапе становления капиталистических отношений, религия как многовековой конституирующий общество фактор, наравне с традиционной культурой номинально присутствуя в обществе, больше не отражала его субстанциональной сути. Образование классов сделало невозможным функционирование универсальных для всех индивидов и групп нравственных правил поведения. Новая сила, способная стать авторитетной с одной стороны, должна была соответствовать внутренним характеристикам западной цивилизации как культурного типа, а с другой, – новой стадии её развития, обусловленной стремительной динамикой развития и потребностями капиталистической экономики. Таким институтом, обладающим потенциальной до известной степени предотвратить возвращение общества в его естественное состояние «войны всех против всех», и явилось формальное право. И нужно сказать, что на этапе становления капитализма некоторое культивирование права было оправдано и целесообразно.

Секулярное сознание, освободившись от сверхъестественных аргументов веры и церкви как её транслятора, находилось в поиске иных ориентиров, способных сообщить консолидацию обществу и способствовать его прогрессу. В виде таких институализированных идей мыслителями Нового времени – Т. Гоббсу, Дж. Локку, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо являются государство, частная собственность и право [1]. Причем, в качестве первоисточника мыслится именно частная собственность, порождающая институциональность государства и права, в качестве своего защищенного ареала обитания.

Локк полагал, что индивиды передают полномочия государству с главной целью – защитить собственность. Для Гоббса – люди в догосударственном положении находились в состоянии войны «всех против всех», когда ни один индивид или собственник не застрахован от нападения такого же собственника. Пожертвовав частью своих свобод взамен защиты государства и заключив таким образом «общественный договор», люди получают надежду (иллюзию), относительную реальность защиты, которую государство воплощает в реализации диалектического взаимодействия закона и права [1].

При этом в капиталистическом обществе действуют законы свободного рынка, конкуренции, скрытые закономерности экономической эксплуатации, не совпадающие с декларациями прав, часто им противоречащие и, в результате, отчуждающие частично право от закона, а человека – от реалий права. Последнее часто существует только в идеальном виде – не работает или претерпевает искажения в реальном мире. Можно привести множество примеров подобных искажений, яркий пример заключается в случае с прецедентным правом или системой ювенальной юстиции.

Проблематика правовой экспансии получила достаточно широкое осмысление в рамках российской юридической науки. Так, В. Д. Зорькин, Н. И. Матузов, А. Н.

Зрячкин, говоря о сущности и возможных последствиях правовой экспансии сходятся во мнении, что последствия эти могут быть весьма драматичны на самых разных уровнях общественного устройства – как для отдельных индивидов, так и для семьи, общества, государства [3; 4]. Как правило, представители правовой науки используют термин «правовой идеализм», «который употребляется не в строго философском смысле (определенное мировоззрение), а в значении слов «идеализация», «идеалист», «идеальный», то есть, в качестве отрыва от действительности, наивности, непрактичности, прекраснотушных мечтаний о совершенном, но не реальном» [6, с. 8]. Также для описания такой идеалистической системы взглядов на право в советской науке использовался термин «юридическое мировоззрение» [9, с. 815].

Переводя исследование данного феномена в плоскость философской науки, мы соглашаемся с их доводами, одновременно отмечая, что тотальная идеализация или даже фетишизация права представляет собой одно из противоречий современной западной капиталистической цивилизации.

Сегодня юридическое мировоззрение отражает этико-правовое состояние позднекапиталистического общества: в перевёрнутом и смещённом виде выражая действительные закономерности общественного развития, оно ведёт к правовому идеализму (фетишизму), когда реальное социальное содержание общественных отношений скрывается за юридической формой (например, за формальным равноправием – фактическое неравенство, за свободой договора – экономическое принуждение, и т. д.) [9, с. 815]. Очевидно, что право опирается на формальную логику, строится на ней, ею оперирует. Право выражает, пусть и объективные, но строго формализованные, обезличенные требования, игнорируя моральный закон, категорический императив И. Канта, выражающего способность и склонность к этическому выбору каждого человека как такового, вне зависимости от внешнего принуждения [5].

Процессы секуляризации, затронувшие европейское общество в XVII в. и к началу XXI века, практически полностью нивелировавшие значение религиозной догмы, а также торжество либеральной идеи прав человека во многом обусловили разрушение тех внутренних оснований, которые определяют ценностные ориентиры человека и поддерживают чувство ответственности в человеке как существе общественном. Поскольку традиционная мораль представлена, конечно же, религиозной системой ценностей, не только девальвировалась, но и объявлена в современной общественной и философской доктрине устаревшей и противоречащей идее абсолютной свободы индивида, то такие ценности социального взаимодействия как долг, ответственность, и т.п. перестают быть регуляторами общественных взаимоотношений. Поэтому, в сложившейся ситуации единственно возможное регулирование всех социальных коммуникаций и конфликтов – только правовое регулирование, которое поглощает собой и подменяет традиционные базовые институты – этику и мораль.

Итак, правовой идеализм (здесь термин используется в контексте юридической науки – А.А.) есть не что иное как переоценка возможностей права, стремление ко всеобщей урегулированности общественных отношений правовыми средствами. Сегодня на право возлагаются непомерные, несбыточные ожидания, когда общество силой законодательства пытается разрешить противоречия в самых разных сферах социальной жизни.

Проблема правового идеализма заключается именно в идеализации права, придании ему мифологического статуса абсолютной нормы, оптимального социокультурного решения. Однако, как известно, право формально является, с одной стороны, результатом формализации рациональных заключений утилитарного характера, а с другой – оно обеспечивает лишь овнешнённую, законодательно освоенную и превращённую форму морали без учёта этического выбора и нравственных убеждений, воспроизводящихся культурой каждый раз в сознании каждого конкретного человека. Иными словами, право – это то, что привносится извне, тогда как, пусть привнесённая, но освоенная человеком мораль становится частью его личности, его выбора, его внутреннего мира, руководя личностными принципами, отношением к себе и другим и являясь основой рефлексии. Именно поэтому формальное право без устойчивой морали, когда нравственные законы в обществе начинают восприниматься как нелепые и устаревшие, представляет собой «непрочные костыли», которые не могут быть долгосрочной опорой для рассыпающегося общественного организма. Право формализовано и обездушено. В этом, собственно, его рациональное зерно – в логически выверенной справедливости, в этом его универсальность и равновеликость для всех членов общества. Однако без подкрепления правовой нормы согласным ей моральным законом в духе кантовского категорического императива, право предельно овнешняется и, как следствие, отчуждается от человека. Подчиняясь тотально духу закона, члены общества коммуницируют только на уровне закона, а не на уровне внутренних моральных принципов, обязательств и ценностей.

Результат парадоксален: призванные обеспечить социальную справедливость и свободы демократические правовые государства продуцируют духовный упадок, социальное равнодушие, конфликт интересов, потребительский образ жизни и устойчивую погоню за развлечениями – в качестве средства бегства от мира. При этом, зачастую в условиях устойчивого правопорядка и высокой правовой культуры общества (которые демонстрируют современные западные демократии) правовые средства часто оказываются неадекватны практическим потребностям социального организма и его членов. De Facto правовые механизмы не в состоянии обеспечить, например, нравственное здоровье граждан, защиту институтов брака и семьи, не являются достаточными для обеспечения уважения к религиозным чувствам верующих и истинного равенства представителей различных социальных общностей. Так, например, идея толерантности и агрессивное лоббирование прав трансгендерных общностей не является толерантной по отношению к религиозным

группам (причем, представителей всех традиционных конфессий). Так как, по сути, даже самые мягкие из гендерных трансформаций наносят удар по самим основам религий, причём как традиционного для Европы христианства, так и ислама.

Вместе с тем, выскажем предположение о том, что по сравнению с длительным периодом влияния религиозных догматов и церковной экспансии в феодальном средневековом обществе, формальное право, все же не сможет достичь того градуса влияния, который имела религия, исходя из онтологической сущности и свойств одного и другого.

Кроме того, право не сможет претендовать на то, чтобы стать доминирующей формой общественного сознания, коим на протяжении столетий была религия, поскольку интенсивность общественно-политических процессов и трансформаций в XXI веке существенно возросла по сравнению с периодом Средневековья. Это означает, что право, представляя собой сущностно ограниченную, рамочную структуру неизбежно столкнется со стагнацией, в то время как общественные потребности будут изменяться. Право будет подвержено многочисленным внутренним и внешним толчкам и вызовам, обречено на критику: на конфликт между имманентно присущей ему силлагичностью и динамичностью общественной жизни.

Кроме того, у права, зародившегося вместе с капитализмом, национальными государствами и идеалом и реальностью гражданского общества, сегодня появился новый конкурент влияния, стремительно институализирующийся и плохо подлежащий правовому регулированию и при этом обладающий беспрецедентными силой и возможностями воздействия. Речь идет об информационных системах, быстро изменяющих мир технически, экономически, социально и психологически. И уже сейчас можно ставить вопрос об информатизационном сознании как разновидности общественного сознания.

Как было отмечено выше, спонтанность и непредсказуемость общественной жизни является серьезным испытанием для жизнеспособности правовой системы, а тем более, права, отчужденного от традиционной повседневной морали. В этом смысле как в роли категоричного регулятора и отвлечённого идеала право подходит для регулирования лишь определенного пласта социальных отношений. Чрезмерная идеализация права и абсолютизация его авторитета приводит не только к атрофии иных социальных регуляторов, сложившихся в культуре еще в доправовой период, долгое время имеющих высокий аксиологический статус и сохраняющих на протяжении веков способность к влиянию и регулированию общественных отношений, а и дискредитирует саму правовую систему, возлагая на неё непосильный груз ответственности.

Более того, во времена социальных катаклизмов (войн, революций, экономических кризисов и т.п.) с сопровождающей эти деструктивные процессы анархией право теряет свой авторитет и возможности управлять общественным взаимодействием между людьми. Образовавшийся регулятивный вакуум достаточно быстро заполняется высвободившимися из бесконтрольной со стороны морали, опусто-

шенной сферы общественного сознания и общественного мнения первичными инстинктами; в результате общество может быть отброшено в полудикое состояние.

Правовое государство видится, безусловно, привлекательным и с точки зрения государственного построения, ведь оно предполагает наличие эффективных механизмов контроля за функционированием государственной власти, развитое гражданское общество, демократическую политическую систему, свободную от политической цензуры, идеологического диктата, злоупотребления властью и коррупции. Вместе с тем, абсолютизировать ценность такого государственного образования не следует. Господство права, в определенных пределах, безусловно, может способствовать повышению уровня жизни и благосостояния населения (именно это и было ключевой целью его формирования). Разумеется, правовые основы и гарантии социальной защиты должны присутствовать в реализации государственной политики равновелико, дабы право обеспечивало социальную защиту населения, а гражданское общество регулировало правовую систему, исходя из объективно существующих в государстве нужд, потребностей и проблем. Но общественно-политическая практика наглядно демонстрирует, что сам институт права и правовое государство провозглашаются как некий тотем, в жертву которому приносят иные достижения человечества – духовность, интеллект, религию, искусство, традиции и пр.

Как уже было отмечено выше, правовое государство тесно взаимосвязано с гражданским обществом, по сути, являясь его фундаментом и опорой. Под гражданским обществом сегодня принято понимать целостную совокупность неполитических и неполитизированных духовных и экономических отношений в обществе. Гражданское общество представляет собой область спонтанной самореализации людей (либо в ипостаси свободных индивидов, либо в виде добровольных их объединений в качестве граждан), защищенную соответствующими правовыми нормами от любых проявлений произвольной односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов [8, с. 180]. Таким образом, ключевыми для осмысления феномена гражданского общества характеристиками являются автономия в отношении государства, универсальный характер права, гражданская активность и способность отстаивать свои интересы, противостоя давлению государственной институтов, приоритет социальных связей над личными.

Однако, правовое государство, в силу своей сущности располагая определенными полномочиями и механизмами, как показывает современная политическая практика, вполне способно подчинить или даже «расчленил» гражданское общество. Прикрываясь идеей о верховенстве индивидуальных прав и свобод и их защиты, по сути, правовые режимы раздробили его на локальные противоречивые сообщества с собственными частными правами (или же чаяниями, стремящимися закрепиться в права). Происходит следующее искажение: право, декларируемое в качестве ключевого фактора достижения общественного консенсуса, начинает играть ровно противоположную роль. Оно создает пространство деконсолидации,

индивидуализации и антагонизма между различными социальными общностями (этническими, религиозными, гендерными), становясь мощным рычагом для манипуляций со стороны политических сил отнюдь не с правовыми мотивами, методами и сущностью. В то время, как гражданское общество становится более неспособным выполнять свое предназначение – защищаться от насилия и произвола со стороны государственных и надгосударственных политических институтов.

Новоевропейская идея права как всеобщего равенства перед лицом государства и равенства возможностей трансформируется в идею приоритета и защиты прав меньшинств. Таким образом, категория «права человека» необоснованно отождествляется с правами меньшинства, что ущемляет или даже отрицает права большинства, что представляет собой весьма антидемократическую тенденцию.

Как уже было отмечено выше, тотальная идеализация права неизбежно приведёт к разочарованию в гражданском праве, в юридической системе, в механизмах их социального бытия, а, следовательно – к разочарованию в государственном институте (как гаранте права и закона), в самом обществе как субъекте коллективной безопасности. Возникает ситуация укрепленности граждан в крайнем индивидуализме, когда каждый «сам за себя» и не испытывает иллюзий по отношению к государству, обществу, корпорации, то есть, к любому коллективному образованию. Последняя, в свою очередь, выхолацивает из сознания граждан ценности политического участия, сотрудничества, самоорганизации, солидарности и социальной ответственности.

При всей своей объективности и многовековой социокультурной корректировке, европейское право оказалось неспособным к продолжительному противостоянию меняющейся деморализованной социальной среды и согласилось на существенные трансформации самого себя. Феномен фетишизации права представляет собой двоякий дуалистически направленный процесс. С одной стороны, он явился результатом секуляризации, а с другой, в десакрализованном пространстве освобождается место для определенных дезинтегративных идей, которые используются конкретными политическими силами для насаждения новой перевернутой морали. В свою очередь, эта новая перевернутая мораль легализуется в юриспруденции нового образца под влиянием идей абсолютизации права (меры позитивной дискриминации в отношении различного рода меньшинств, программы планирования семьи, легализация транспереходов, ювенальная юстиция).

Последняя понимается как сложившаяся в западных традициях «совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения с участием несовершеннолетних и направленных на обеспечение их прав и интересов» [2, с. 39]. Иными словами, правовая система, выступающая в защиту интересов детей и объявляющая приоритет прав ребенка над правами взрослого. Система ювенальной юстиции тесно связана с институтами семьи и брака. Ювенальная юстиция законодательно закреплена во многих государствах Западной Европы в Греции, США, Канаде, Франции, Германии, Швейцарии и других. Ювенальная юстиция имеет длитель-

ную историю становления, но сегодня она представляет собой не просто институт, а идеологию, основанную на подмене семьи и её социальных функций по воспитанию детей деятельностью государственных органов и учреждений. Очевидна крайняя аксиологическая девальвация под прикрытием юридических норм, которые должны опираться на нормы этические. Однако этическая норма из них выхолащивается, и они остаются пустыми, формально-логическими.

Провозглашается защита прав ребенка, что активно декларируется соответствующими правовыми органами, но в свою очередь, на практике она же зачастую оборачивается уничтожением прав семьи – прав ребенка и его родителей. Вмешательство государства в частную сферу не только является тоталитаризацией социального пространства, но и полем для манипуляций и маневров со стороны органов государственной власти и политических элит. По сути, продвижением ювенальной юстиции занимаются те же политические структуры, что претворяют в жизнь политику планирования семьи, обеспечивают сексуальное просвещение детей, декларируя нормативность сексуальных перверсий, и лоббируют интересы ЛГБТ-сообщества. В союзе с транснациональным капиталом эти политические элиты, в качестве долгосрочных целей видят как раз уничтожение национальных экономик, разложение национальных культур и депопуляцию. Вместо суверенных государственных структур проглобалистски настроенным политическим силам выгодно существование исключительно атомизированных, социально безответственных, страдающих от депопуляции квазиобществ, неспособных к борьбе против транснационального капитала. Так подвергаются переформатированию родственные, внутрисемейные отношения, самые крепкие по своей природе.

Семейная сфера, в отличие от многих других, является тем приватным пространством, в котором наряду с юридическими факторами соседствуют в равной степени семейные традиции, психологические связи, психологические особенности членов конкретной семьи, культурные/религиозные и иные специфические характеристики. Таким образом, ювенальная система является попыткой выхолащивания жизни из семьи и абсолютной стандартизации внутри семьи. Поведение членов семьи в подобной модели регламентировано действием юридической нормы, а не естественной потребностью и стремлением человеческой личности. Во внутрисемейных личных отношениях проявляются, прежде всего, биологические свойства человека как объекта живой природы, в том числе его инстинкты (продолжения рода, материнский и т.д.). Любовь супругов, родительская любовь, привязанность членов семьи друг к другу, альтруизм, доверительность – это виды социального поведения индивида в сфере его частной жизни, обусловленные витальными потребностями, сопровождающиеся специфическими эмоциями, которые определяют природу личных отношений в семье и браке, часто, исключая возможность их правового регулирования. Более того, многочисленные судебные процессы вызывают напряжение в обществе и страх перед ювенальной системой как тоталитарной, обладающей механизмами и ресурсами по разрушению семьи. Таким образом, кон-

ституирование семьи держится на страхе, а не на сложной системе эмоций и принципов, на которой ранее строились семейные отношения, что неминуемо приводит к социальным деформациям и отклонениям.

Детское сознание лабильно, а ценностно-нормативная система ребенка ещё не сформирована в силу возраста. Ювенальная юстиция буквально извратила идею проступка и наказания, оправдывая детский беспредел и безнаказанность, по сути, становясь источником потребительского отношения к окружающим (в первую очередь, к родителям), и поощряя манипуляцию как доминирующий тип поведения. Такие понятия, как «родительский авторитет», «сыновий/дочерний долг» перестают быть основополагающим в системе ценностей, перед детьми открываются безграничные рычаги давления, включая предательство и шантаж. Личные связи подростка с окружающими его людьми целиком перемещаются в сугубо материальное бездуховное пространство. Очевидно, что индивид, ориентированный лишь на разнообразные выгоды и льготы сам становится идеальным объектом для манипуляций. Претендуя на то, чтобы создать пространство социальной справедливости, ювенальная юстиция создает поле жестокости, вседозволенности и личностного разложения.

Выдающийся американский антрополог М. Мид отстаивала идею о том, что «...именно культура является тем главным фактором, что учит детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе» [7, с. 48]. Исследуя проблему влияния культуры на характер мужских и женских ролей и социализацию детей вообще, в своей работе «Иней на цветущей ежевике» (1972) Мид, обращаясь к идеям другой исследовательницы Р. Бенедикт пишет о том, что «та или иная культура выбирает различные проявления человеческой личности, отвергая другие» [7, с. 49]. Следовательно, самоидентичность, в том числе, и гендерная, во многом обусловлена влиянием этнического, религиозного и культурного факторов.

Семья является ключевым агентом социализации личности в этом смысле, однако проглобалистские силы в своем стремлении к нивелировке культур стремятся стереть их уникальность и этническую национальную сущность. Поэтому, устранив, в известной мере, родителей (носителей национальных идеалов, ценностей) от процесса воспитания, возможно достаточно быстро сформировать космополита нового образца, человека без собственной причастности к культурной памяти своего народа. Как результат, подобные тенденции провоцируют разрыв связей на уровне межличностного взаимодействия. Причем, как в синхронном, так и в диахронном плане – ведь потеря авторитета родителями – носителями ценностей, опыта, знания опасна тем, что и сами ценности со временем будут преданы забвению. Разрушаются детерминанты самой культурной памяти человечества, что вызывает опасения в характере дальнейшего движения культурно-исторического процесса и сомнения в самом его будущем. В общественной практике система ювенальной юстиции зарекомендовала себя как не знающий жалости и сострадания механизм трансформации базовых принципов взаимодействия семьи и государства. Институт государ-

ства наделяется абсолютным правом «фильтровать» граждан по их способности воспитывать своих собственных детей. При этом противников ювенальной системы рассматривают не как несогласных с утверждением детской вседозволенности, культа прав детей, а как нетолерантными к правам детей, что есть ни что иное, как манипулятивная подмена понятий.

Сегодня система ювенальной юстиции внедрена в большинстве стран Запада, но это ведёт не к оздоровлению человеческих отношений, а к размножению общественного зла. Как уже было сказано выше, семья является специфическим институтом, в котором личные, интимные отношения, внутреннее устройство и весь спектр внутрисемейных эмоций никогда в истории человечества не определялись правовым вторжением. Именно поэтому социологическая наука придерживается мнения о том, что семья как некая система обладает свойством саморегуляции, следовательно, не нуждается в юридическом вмешательстве.

Отнюдь не ведёт к оздоровлению межличностных отношений и вмешательство юриспруденции в сферу взаимоотношений супругов. Так интимное общение супругов не считается более супружеским правом и долгом, поэтому принуждение к нему может классифицироваться как наказуемое преступление. Например, в Швеции эту сферу внутрисемейных отношений регулирует так называемый Закон «О согласии» (2018). Подобный опыт имеют еще десять европейских государств и принятием подобного закона приводят государственную законодательную базу в соответствие со Стамбульской конвенцией против домашнего насилия, принятой в 2011 году и подписанной 46 странами и Европейским союзом.

Очевидно, что императивные правила интимной этики формировались и развивались вместе с человеческим обществом и во многом были производны от религиозных и нравственных догм. И если на определённых этапах общественного развития женщина рассматривалась в категории собственности, что отвечало существующим нравам и нормам, происходящим из законов соответствующего общественно-экономического строя, то с развитием цивилизации ситуация изменилась. Процессу преодоления неравенства и эмансипации, становлению женщины полноценным участником общественных процессов, безусловно, способствовало повсеместное законодательное закрепление некоторых женских прав и свобод. Однако появление в XXI веке в юридической практике категорий, регламентирующих внутрисемейные и даже интимные стороны жизни, указывает на тенденцию движения человечества к стадии дикости, когда лишь страх наказания за нарушение юридической нормы может регулировать взаимоотношения между супругами. Сомнительным видится убеждение, что обеспечить поддержание таких составляющих брака как супружеская солидарность, взаимная забота, моральная поддержка невозможно путём правового регулирования. Вместе с тем, новая трактовка брака как взаимовыгодного партнёрства предусматривает юридическое закрепление прав и обязанностей сторон путём заключения брачного договора, вплоть до регламентации интимной стороны жизни супругов. Очевидно, что подобное формализованное

взаимодействие не способствует на самом деле ни свободе выбора и желаний, многократно декларируемым западной концепцией прав человека, ни, тем более, гармонизации семейного взаимодействия. Со временем, акценты в понятии «партнерский брак» смещаются в сторону рыночных, ориентированных на чёткое исполнение договорных обязательств, при игнорировании любви, эмпатии, жертвенности, то есть тех аспектов, которые эти отношения и составляют.

Итак, право обретает статус одного из ключевых регуляторов общественных отношений в эпоху Нового времени и напрямую связано со становлением капиталистических отношений.

Однако сегодня в пространстве современной западной цивилизации наблюдается устойчивая тенденция к абсолютизации юридической нормы при тотальном игнорировании традиционных регуляторов: религии и морали, и целесообразности правового регулирования приватной сферы жизни человека. Ярким примером деструктивного влияния правовой экспансии являются попытки вмешательства и контроля во внутрисемейное взаимодействие, в том числе и путём использования механизмов, предусмотренных системой ювенальной юстиции. Последняя в перспективе приведёт к формализации семейного взаимодействия и, как следствие, к формированию атомизированного индивида без определённой самоидентичности, чётких нравственных и идеологических ориентиров.

Сложившаяся ситуация является результатом трансформаций внутри капиталистической общественно-экономической формации, весь парадокс которой заключается в конфликте между частной собственностью (с имманентными ей законами) и порожденным ею правом, которое этими же законами попирается.

Библиографический список:

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / Д. Антисери, Дж. Реале; в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. – С-Пб.: Пневма, 2002. – 880 с.
2. Габуев А. Р. Ювенальная юстиция: теоретико-правовой аспект // Управленческое консультирование. – 2014. – № 3 (63). – С. 38-50.
3. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 5-16.
4. Зрячкин Н. А. Нигилизм и идеализм в региональной правовой политике // Государственно-правовые исследования – 2019. – Вып.2. – с.164-166.
5. Кант И. Критика практического разума / И. Кант / Соч. в 4 т., на нем. и рус. яз. / Подгот. к изд. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. М.: Моск. Филос. фонд, 1997. – С.276-733.
6. Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма. – Правовая культура. – 2013. – №1 (14). – С.8-18.
7. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер.с англ.и коммент. Ю. А. Асеева. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
8. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. – 877 с.
9. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. – 840 с.

References:

1. Antiseri D., Reale Dzh. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei. Ot Vozrozhdeniya do Kanta / D. Antiseri, Dzh. Reale; v per. i pod red. S.A. Mal'cevoj. – S-Pb.: Pnevma, 2002. – 880 s.
2. Gabuev A.R. Yuvenal'naya yusticiya: teoretiko-pravovoj aspekt // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2014. – № 3 (63). – S. 38-50.
3. Zor'kin V. D. Sut' prava // Voprosy filosofii. – 2018. – № 1. – S. 5-16.
4. Zryachkin N.A. Nigilizm i idealizm v regional'noj pravovoj politike // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – 2019. – Vyp.2. – s.164-166.
5. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma / I. Kant / Soch. v 4 t., na nem. i rus. yaz. / Podgot. k izd. N.V. Motroshilovoj, B. Tushlingom. T. 3. M.: Mosk. Filos. fond, 1997. – S.276-733.
6. Matuzov N.I. Pravovoj idealizm kak oborotnaya storona pravovogo nigilizma. – Pravovaya kul'tura. – 2013. – №1 (14). – S.8-18.
7. Mid M. Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya. Per.s angl.i komment. Yu. A. Aseeva. – M.: Nauka, 1988. – 429 s.
8. Novejshij filosofskij slovar' / Sost. A.A. Gricanov. Minsk, 1998. – 877 s.
9. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya. Gl. redakciya: L. F. Il'ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. 1983. – 840 s.